

Формула: «Если бы президентом определённо был я», – предполагает исход от читателя (а не от автора), читателя, прежде всего, проникшего в основную идею этой книги. В этой формуле речь идёт НЕ о гипотетическом содержании президентской функции, а именно об ОПРЕДЕЛЁННОМ, теоретически-концептуальном содержании президентской устремлённости, когда каждый гражданин выражает общий – единый у всех, – ВЗГЛЯД на программу президентской деятельности и президентского целеполагания.

Формула: «Если бы президентом определённо был я», – несёт в себе общемировоззренческое содержание и значение: в ней даны основные моменты теории адекватного реформирования общества на грани новой цивилизации. Главное в ней – это переход от утилитарно ориентированного общества к гуманистически ориентированному обществу.

Таким образом, тезис – быть президентом – не несёт произвольного субъективного содержания, а выражает объективную необходимость эпохи.

Но такой взгляд, такой подход начисто отсутствует у всех претендентов в президенты и в реформаторы. Такой подход ОТСУТСТВУЕТ потому, что никем из претендентов не ставилась и не рассматривается ПРОБЛЕМА ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТИ их мышления применительно к специфике нашей исторической эпохи как эпохи, гуманистически ориентированной. Никто из претендентов в президенты не сделал предметом своего внимания (и предметом внимания народа, страны) – вопрос о характере своего мышления (о типологии своего мышления), которые должны быть изменены, чтобы исторически-необходимые реформы состоялись. Необходим переход от экономически ориентированного мышления к мышлению, ориентированному на развитие способностей и талантов. В этом и состоит гуманистическая ориентированность.

Никто из претендентов в президенты (ни Б.Н. Ельцин, когда был претендентом, ни А.И. Лебедь, ни В.С. Черномырдин, ни Ю.М. Лужков и т.д.) почему-то не догадался, что вся «закавыка» – в типологии их мышления, и что для действительных (т.е. адекватных) реформ необходима концептуально-новая теория будущего общества, дающая новый взгляд на социум как на исторически-новое состояние, КОТОРОЕ ГРЯДЁТ, и для которого – крайне мало «экономической парадигмы», т.е. – ориентации на пользу... – Так как необходима ориентация на ИСТИНУ наступающей (грядущей) эпохи, которая (истина) состоит в максимальном развитии способностей и талантов масс людей.

Вместо действительно-творческого подхода пробавляются нищенским тезисом о «рыночной экономике», будто мышление, построенное на этом банальном тезисе, может удовлетворить как народ, так и всех претендующих на роль президентов.

Нелепо ведь допускать, что мышление может всегда оставаться типологически одним и тем же, так как общество (социум) и интересы и потребности людей обязаны прогрессировать, совершенствоваться (= меняться)! Менять парадигму! – вот задача момента.

Вопрос о критическом переосознании своего собственного сознания потому и выдвинулся сегодня на первый план, что при СОХРАНЕНИИ традиционного (экономически ориентированного) типа сознания, который ныне существует и господствует, – не может состояться ПЕРЕХОД общества как социальной типологии жизни – в новое материально-культурное и в новое духовно-ценностное состояние. То есть – пока в принципе не могут произойти адекватные реформы!

Что такое «рыночная экономика» как тезис, с которым носятся буквально как с «писаной торбой»?

Это – отнюдь не реформы, а РЕСТАВРАЦИЯ! Причём – реставрация, примитивно понятая и примитивно осуществляемая!!

Примитивизм суждений и практических действий нынешних активистов обусловлен тем, что они не понимают, что при экономической детерминации политики и всей социальной практики – ВОСПРОИЗВОДИТСЯ существующий порядок вещей. И он не может не воспроизводиться при экономической детерминации. И качественные перемены самой типологии жизни – невозможны. И утилитаризм продолжает господствовать как норма жизни, как идеал, как предел, дальше (выше) которого обществу не удастся подняться.

У претендентов в президенты нет своей оригинальной (= новаторской) философской позиции, нет нового отношения как к совокупности материальных условий жизни, так и к совокупности условий духовной жизни. Такой новой позиции у них нет потому, что эта новаторская философская позиция, несущая в себе НОВОЕ ОТНОШЕНИЕ к бытию и к сознанию, есть духовный, мыслительный акт. То есть она должна быть направлена во внутренний мир человека: на осознание собственного сознания прежде всего – на его критическую переоценку и на его изменение, следовательно. Разум даёт установку нашей практике, если дело идёт о реформах, а не наоборот.

Но этого никто не делает, во-первых, потому, что этому нигде не учат и нигде не доказывают, что это надо делать, а, во-вторых, потому, что все ПРИВЫКЛИ предметом мышления, исследования и анализа делать ВНЕШНИЙ мир (мир вещей), поскольку всеобщее сознание утилитарно ориентировано, и в такой обстановке страшно трудно догадаться, что предметом мышления в нашу эпоху, ПРЕЖДЕ всего, должно быть само мышление, его типология, его ценностные ориентации, его идеалы.

Есть исторические эпохи, когда «общественное бытие определяет общественное сознание». Этот тезис так долго и так упорно вдалбливали в человеческие головы, что мало кто способен догадаться, что есть исторические эпохи, которые могут состояться (при всей их исторической необходимости!) лишь тогда, когда сознательно реализуется тезис о том, что изменение типологии общественного бытия предполагает изменение типологии общественного сознания. Иными словами: общественное сознание определяет общественное бытие.

Эпоха, когда общественное сознание определяет общественное бытие, – и сам этот тезис о первичности общественного сознания, – логично и правомерно вытекает из закона о переходе количественных изменений в качественные и, напротив, о переходе качественных (которыми являются теоретические изменения, или изменения типологии сознания) изменений – в количественные, то есть – в материальные изменения, – это наша эпоха.

Но у нас об этом совершенно не помнят или не догадываются.

У нас никто не думает, не анализирует, ПОЧЕМУ ленинско-сталинский «социализм» потерпел крах и развалился в 1991 году. А произошло это потому, что и Ленин, и Сталин (и последующие генеральные секретари ЦК КПСС) опирались в своём соревновании с капитализмом – на ТРУД, типологически присущий капитализму, опирались на такую типологию техники, которая характерна для капитализма. Не создав исторически-новой типологии труда, все эти «творцы будущего» (включая Ленина и Сталина) и не могли выиграть в своей «гонке» с капитализмом! Им не хватило творческой мыслительной функции!!

А народ, массы людей, в том числе и интеллигенция, не могут критически отнестись к исторической роли Ленина и Сталина (и других «большевиков-ленинцев», как их ещё называют) –

по той причине, что был создан культ вождей, культ мавзолея Ленина, культ мумии, помещённой в мавзолей.

Все знают, что: «Философы лишь различным образом объясняли мир» и что «дело заключается в том, чтобы изменить его».

Но этот тезис об изменении мира, по существу, является тезисом о культуре мышления, и пока он не осознан в этом качестве культурно-мыслительного постулата, он как бы висит в воздухе, и ни Лебеди, ни Гайдари, ни Чубайсы, ни Черномырдины, ни Лужковы, ни Явлинские, ни Рыбкины, ни сам президент Б.Н. Ельцин не догадываются, как применить его к делу в смысле культуры мышления, в смысле её повышения.

И как будет показано далее, сам Карл Маркс не стоял на том уровне культуры мышления, признаки которой он интуитивно уловил, наметил и определил, когда сформулировал свои 11 тезисов о Людвиге Фейербахе; так что вопрос этот – в высшей степени актуален и перспективен; чтобы изменить мир, надо предварительно браться за культуру мышления.

Пока что нельзя сказать, что вопрос о культуре мышления у нас разработан и поставлен соответственно наступающей эпохе и что у нас написано что-либо вразумительное об этих 11 тезисах и об их связи с необходимой культурой мысли.

Тезисы К. Маркса о Л. Фейербахе представляют собой своеобразный «всплеск мысли», который, тем не менее, являясь громадным достижением, не стал сознательным и устойчивым методом самого Маркса в его отношении к исследованию предметов и проблем, вовлечённых в поток его мысли.

Например, в 1-м тезисе о Людвиге Фейербахе он писал, что «главный недостаток всего предшествующего материализма – включая феьербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой...»

Вот таков этот тезис: не рассматривать исследуемый предмет только в форме ОБЪЕКТА!

Но вопреки этому тезису Маркс в «Капитале», т. I, рассматривает труд лишь в форме ОБЪЕКТА – как «расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле»¹. Здесь труд представлен у него не как социальная категория, а как физиологическое явление, т.е. – созерцательно – как объект, то есть – сужено, ибо игнорируется то обстоятельство, что ТРУД (ТРУД, а не работа!) – это социально-культурный процесс, который генерирует общественные отношения, создающие социум, помимо того, что этот процесс создаёт потребительную и меновую стоимость вещественного продукта. Труд создаёт общественные отношения! А последние не могут быть истолкованы созерцательно (т.е. в форме объекта), ибо они суть человеческая чувственная деятельность, ПРАКТИКА, которая выступает в роли СУБЪЕКТА, создающего социум.

Второй пример, показывающий, что Маркс рассуждает ниже тех требований, которые он сформулировал в «Тезисах о Фейербахе», можно взять из «Критики Готской программы».

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 55.

Выступая против формулировки Ф. Лассалья, утверждавшего, что «труд есть источник всякого богатства и всякой культуры», – Маркс запальчиво и категорически возражает, хотя Лассаль совершенно прав. Маркс писал в первом же параграфе этой своей «критики»: «Труд *не есть источник* всякого богатства. *Природа* в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы»².

Во-первых, надо сказать, что ПРИРОДА не есть источник потребительных стоимостей и – богатства, ибо подчёркнутые понятия есть категории политэкономии ... и в природе не встречаются!

Понятие «потребительные стоимости» имеет смысл, лишь когда оно должно быть обязательно соотнесено с понятием «меновые стоимости». А в природе можно говорить лишь о ПЛОДАХ земли и воды, которые отнюдь не потребительные стоимости и не меновые стоимости. И богатство – это не производные природы, а явление общественного разделения труда.

Рыба, которая водится в реке или в озере, не может стать предметом потребления без труда. Недаром пословица гласит: «Без труда, не вынешь и рыбку из пруда!». Так что Лассаль прав: «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры». *Труд*, а не водоём реки или озера! Водоём – есть природное условие возникновения ПЛОДОВ, но отнюдь – не ИСТОЧНИК потребительных стоимостей и богатства!

Богатство, с самого начала, надо *ПОНИМАТЬ*, а не представлять наглядно, ибо богатство – это не вещь, а категория науки, созданной Адамом Смитом в его книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.).

Книга А. Смита подчеркнула, что богатство создаётся деятельностью народов, т.е. – определённой деятельностью ЛЮДЕЙ, *а не природой!* Природа лишь присутствует при этом. Богатство есть воплощение определённых взаимодействий людей – воплощение общественных отношений и поэтому должно восприниматься (= мыслиться) как категория, *а не как объект* (не как вещь). И в этом смысле 1-й тезис Маркса о Людвиге Фейербахе даёт неоценимую по значению настройку умственному познавательному процессу.

Но Карл Маркс в своём возражении Лассалю всё смешал и спутал, вообразив, что природа – «источник потребительных стоимостей», как он выразился, «вещественного богатства», что надо оценить как нелепое словоупотребление, так как, если говорить точно, то природа – это лишь источник **вещественной субстанции** богатства, но – *НЕ БОГАТСТВА*, так как богатство – феномен социально-культурный, а не природный, не натуральный.

Замечательно в этом отношении, что у Ф. Лассалья в его формулировке об ИСТОЧНИКЕ – труд определён ОДНОВРЕМЕННО и как источник всякого **богатства**, и как источник всякой **культуры!** Замечательно, что в формулировке Ф. Лассалья проведена линия связи труда и культуры: благодаря этому подчеркивается, что труд и культура суть категории *СОЦИАЛЬНЫЕ*. Из этого, следовательно, надо делать вывод, что богатство и культура суть феномены социально-исторические и социально-культурные, *а не природные*, как это проявилось в «логике» К. Маркса. И произошло это у Маркса потому, что он берёт и трактует «богатство» созерцательно, как вещь, т.е. – лишь в форме объекта, тогда как, в соответствии со смыслом его собственного 1го тезиса о Л. Фейербахе, ему следовало бы рассматривать богатство как воплощённую человеческую чувственную *деятельность*, практику – субъективно. (См. формулировку 1го тезиса.)

² См. там же, т. 19, с. 13.

Богатство у Маркса рассматривается и трактуется как явление, обладающее **лишь двумя** «координатами»: потребительной стоимостью и меновой стоимостью.

Но это – примитив! Это – примитивно, потому что под источником этого «богатства» подразумевается не труд в его общемировоззренческом (социально-философском) понимании, а лишь экономическое проявление труда – *труд, производящий товары*. Товары!

Нетрудно, видимо, было бы догадаться, что ТРУД как общемировоззренческая категория производит не только потребительные и меновые стоимости, как феномены товарные, но создаёт ещё нечто большее: он формирует сознание, т.е. духовные феномены, он является источником языка (речевой способности и речевой культуры человека), он есть основа саморазвития самого **труда как социальной формы движения материи...**

Во всех этих проявлениях труд универсальнее (и в этом смысле – «богаче»), чем экономическая форма проявления труда! И если всё это понимать и иметь в виду, то ТРУД надо рассматривать как СУБСТАНЦИЮ социально-культурной эволюции человечества, а не как источник товаропроизводительной деятельности!

Концепция труда, как она дана у К. Маркса («Капитал», т. I), примитивна, недостаточна, ибо антиисторична, т.к. исключает развитие общества. В самом деле: если труд, как он трактуется у Маркса, создаёт лишь потребительные стоимости, обладающие меновой стоимостью, то тогда получается замкнутый тавтологический «круг»: производство потребительных стоимостей замкнуто на производство меновых стоимостей, и так как при экономическом миропонимании – всё общество предстаёт как основанное на меновой стоимости, – поскольку деньги господствуют, а количество меновых стоимостей определяется объёмом потребительных стоимостей, – то весь социальный процесс обречён на то, чтобы «мыкаться» между этими двумя «координатами» социума и не имеет предпосылок для того, чтобы разорвать этот «замкнутый круг» и выйти в новое качественное состояние. Производство потребительных стоимостей замкнуто на производство меновых стоимостей и наоборот, и так как труд, как он истолкован у Маркса, имеет ДВОЙСТВЕННУЮ природу, то социальная эволюция загнана в тупик!

И чтобы этот «тупик» преодолеть, необходимо дать (принять, установить) такое определение понятия труда, которое коренным образом отличается от определения, даваемого Марксом.

Прежде всего, надо подчеркнуть и выдвинуть на первый план тот признак, что ТРУД (**как субстанция социально-культурной эволюции человечества**) имеет три «гносеологические координаты», а не две, как у Маркса.

Этот «третий момент» заключается в том, что ТРУД (**как субстанция социально-культурной эволюции человечества**) создаёт ЦЕННОСТИ.

Эти ЦЕННОСТИ в принципе не имеют меновой стоимости и не имеют утилитарного характера, присущего потребительным стоимостям. Но при всём при том именно формирование ценностных феноменов (выше это уже было перечислено: сознание, т.е. – духовные феномены, речевые способности и речевая культура, органически входящие в *труд как социальную форму движения материи*) составляет предпосылку качественного развития общества и преодоления *товарного фетишизма*, то есть – такого состояния, когда отношения людей сведены к отношению вещей (– к отношению товаров).

Во-вторых, определение понятия «труд», которое должно быть введено в научный обиход – в противоположность и в дополнение к определению понятия труда, как оно дано К. Маркса –

непременно должно включать в себя новый существенный признак: *средства развития*.

У Маркса такой категории, в его логике труда, – нет. У него есть лишь «средства производства» и «производственные отношения», возникающие **как отношения собственности на орудия и средства производства**. Этого – мало!

Средствами развития являются, прежде всего и главным образом, – средства переработки, классификации, использования и развития *информации*. Важнейшим *средством развития* ещё во времена Маркса выступала *письменность* и, разумеется, *печать* (книги). Ныне – это компьютеризация.

Вообще надо отметить, что для логики труда у Маркса была характерна **нацеленность вовне** – на материал природы: воздействие на природу *посредством средств производства*.

Для функции средств развития, напротив, характерна направленность *на человека – на развитие его духовных и творческих качеств*, его ценностного потенциала.

В связи со всем сказанным совершенно необходимо ввести в научный обиход новую категорию: *отношения развития*, имеющую своим содержанием развитие ценностных отношений.

В связи со всем сказанным мною выше – необходимо проанализировать (= исследовать) то, КАК Маркс строит своё определение понятия «труд», какой смысл он вкладывает в употребляемые им термины.

1. В «Капитале», т. I (см. Собр. соч. 2-е изд., т. 23, стр. 189), мы находим следующее толкование: «целесообразная деятельность, *или самый труд*». При этом не оговорено, что следует понимать под словами «целесообразная деятельность». Замечу, что ЦЕЛИ труда могут быть самыми разнообразными: утилитарными, эстетическими (стремление сделать что-то красивым), нравственно мотивированными, медицинско-терапевтическими, социально-психологическими (стремление сплотить людей в коллектив) и т.п.

Поскольку всё это не оговорено, то страдает определённость понятия «труда» как «целесообразной» деятельности.

2. В «Капитале», т. I (т. 23 упомянутого уже издания) на стр. 195 Маркс даёт **развёрнутое** определение процесса труда:

«Процесс труда... есть а) целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей, б) присвоение данного природой для человеческих потребностей, в) всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, г) вечное *естественное* условие человеческой жизни, и д) потому он не зависит от какой бы то ни было формы ЭТОЙ жизни и, напротив, одинаково общ всем её общественным формам». (т. 23. стр. 195). – Но ни слова – о РАЗВИТИИ! –

Во всём этом (кричаще нелепом!) определении понятия и процесса труда больше всего удивляет то, что труд рассматривается как ЕСТЕСТВЕННОЕ (природное), физиологическое явление: «всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой», а не как социальный феномен и не социальная субстанция!

Это – происходит потому, что «труд» берётся лишь в форме ОБЪЕКТ А – созерцательно (т.е. примитивно).

Во-вторых – неприемлемо (поскольку оно – неверно!) утверждение Маркса о том, что труд *не зависит* от какой бы то ни было формы человеческой (*общественной*, следовательно!) жизни! Это, в сущности, означает, что труд, по Марксу, существует не во времени (вне времени). И это в

высшей степени странно, если не сказать – нелепо! И тем не менее, Маркс утверждает, что ТРУД – вечное условие человеческой жизни и потому *он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни!* (См. там же, т. 23, с. 195.)

Это утверждение Маркса **повелевает спросить**: «А как у него обстояло дело с *мыслительными* способностями?!» – В том-то и дело, что ТРУД зависит от времени.

Ответ, очевидно, должен быть таким: «В ОТНОШЕНИИ К ПОНЯТИЮ «ТРУД» – Маркс покидает мыслительную позицию и переходит на позицию СОЗЕРЦАНИЯ. Но *созерцать* труд НЕЛЬЗЯ. Его необходимо *мыслить*. Мыслить же – значит формулировать *существенные признаки труда*, в том числе – и его существенные ВРЕМЕННЫЕ признаки, так как только в этом случае может происходить *познавательное* (= *гносеологическое*) освоение феномена труда.

Труд – категория фундаментальная. И *фундаментальность мышления* как вопрос, поставленный прежде всего в этой работе, не может быть ни понят, ни рассмотрен без осознания феномена труда.

И если у Маркса в этом отношении дело обстоит не лучшим образом, то это не могло не сказаться на социальной практике нашего общества ПОСЛЕ Маркса, так как у Ленина совершенно определённо наблюдается *экономическая* трактовка труда – в качестве фундамента тех преобразований, которые заимствованы у Маркса и которые В. И. Ленин намеревался осуществить в нашей стране: «Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически». (См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 179.) – А это не что иное, как экономический идиотизм. –

Но в том-то и дело, что коммунизм, под которым, надо полагать, подразумевалось гуманистическое общество, – т.е. общество без отчуждения труда и отчуждения человека, не может быть обосновано экономически, ибо *экономическая обоснованность* общества означает такую его организацию, при которой труд и человек порабощены и несвободны, отчуждены.

В. И. Ленин был восхищён тем, как Маркс анализирует труд в «Капитале». Но при этом Ленин (из-за этого восхищения) не замечает, что Маркс анализирует **не ТРУД в его всеобщности, а лишь труд, производящий товары**, т.е. экономическую ипостась труда, ипостась, которой нет и не может быть места в гуманистическом обществе! Отсюда и произошло, что ленинский социализм оказался нежизнеспособным и развалился в 1991 году, ибо не имел внутренних, органических, адекватных гуманистическому обществу, СКРЕП.

Природа ошибочности мышления как она выразилась у К. Маркса при рассмотрении им труда, так и ошибочности мышления Ленина при его следовании Марксу – в трактовке обоснованности коммунизма (под которым нельзя не понимать гуманистическое общество) – заключается в том, что оба они берут ТРУД – *утилитарно*, берут его лишь в форме ОБЪЕКТА, но при этом не осознают своего собственного сознания, – которое просто обязано быть понятным гуманистически, – но продолжает у них пониматься утилитарно (экономически), то есть – без способности отнестись критически к своему собственному сознанию. То же самое надо сказать и в адрес современных «реформаторов» (Гайдар, Явлинский, Лебедь и т. д., как уже было перечислено прежде): никто из них не осознаёт своего собственного сознания.

Главное во всей этой *гносеологической* ситуации заключается в том, что познание требует гносеологической культуры. А это значит, что необходимо *не просто говорить нечто о труде*, толкуя его *натуралистически*, а вести познание так, чтобы различать в познании *феномены натуральные* и *феномены гносеологические*. Под гносеологическими феноменами следует подразумевать создание в процессе познания формы мысли, позволяющие выразить «предмет

познания» – в *движении*, в *отношении*, в *тенденции*, в его онтологии (т.е. – в его бытии) и в его *происхождении*.

Чаше всего этого не делают (не понимают), и о самой культуре мышления понятия не имеют.

Как обычно происходит процесс трактовки терминов и – трактовки сущности дела?

Да – никак! Говорят просто слова, имея в виду при этом их объектное (= натуральное) содержание, и нет даже тени догадки о том, что «предмет мысли» в действительности есть *процесс*, то есть – ДВИЖЕНИЕ с присущими ему противоречиями, отношениями, тенденциями, атрибутами необходимости и разумности, с присущей ему ценностной парадигмой и т.д. Когда, например, говорят: «Труд, производящий товары», то имеют в виду *натуральный феномен труда*³ (то есть – затрату физической рабочей силы), производящий *натуральные товары*, И НИКАКОЙ ГНОСЕОЛОГИЕЙ себя не утруждают. И именно так происходит у Карла Маркса, когда он даёт своё определение труда, приведённое мною выше (см. Соч., т. 23, с. 195), *хотя* в первом тезисе Маркса о Людвиге Фейербахе сформулированы гносеологические требования к процессу познания, диктующее брать познаваемое явление – как практику!

Гносеологическая культура только тогда имеет место, когда реализуется *ИДЕЯ* о том, что **труд, производящий товары**, не может существовать сам по себе (и поэтому не может существовать и быть адекватно мыслимым сам по себе – как *натуральный феномен*), а должен быть взят нашей мыслью, нашим познанием как гносеологический феномен, то есть – *ОТНОСИТЕЛЬНО*, иными словами – **лишь в рамках и на основе труда, производящего общество и человека**, ибо только в этом, последнем, смысле ТРУД – СУБСТАНЦИОНАЛЕН! Только в этом смысле труд – действителен. В этом и состоит культура мышления!

Выделенное мною понятие, «*относительно*», – очень важно, так как – когда «ТРУД» берут как *натуральный феномен*, то, тем самым, его толкуют *БЕЗОТНОСИТЕЛЬНО*, то есть – без движения, без происхождения, без движущего его противоречия, без тенденций, без атрибутов и т.д., как уже было оговорено выше.

Гносеологическая культура проявляется в том, чтобы брать **деятельность по производству товаров** – *относительно*, то есть – чтобы понять, постичь эту *утилитарную* деятельность как явление, *ПРОИЗВОДНОЕ от более фундаментальной деятельности* – деятельности по созиданию общества и человека. В самом деле, подумайте, как может быть, как возможен труд, производящий товары, *если не действителен*, если не ПЕРВОПОЛОЖЕН труд, созидающий общество и – в нём – *адекватного* человека?!

Итак, следовательно, надо различать: труд утилитарно содержательный (= труд, производящий товары) и труд гуманистически содержательный, то есть ТРУД производящий общество (социум) и *адекватного* (= исторически необходимого) человека, разумного в такой мере, чтобы он был способен выполнять исторические задачи своего времени.

Сказанное составляет достаточный базис для того, чтобы ещё раз критически остановиться на определении труда, как оно дано у Маркса, и на выводах, следующих из этого определения. Если, по Марксу, труд – вечное естественное условие человеческой жизни, так как всегда реализуется как целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей и как

³ «Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, и в этом своём качестве одинакового, или абстрактного человеческого труда труд образует стоимость товаров» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 55).

всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой и потому не зависит от этих общественных форм жизни, а, напротив, – одинаково общ всем её общественным формам, – то из этого определения, – в духе его логики, – можно сделать вывод о том, что труд ВСЕГДА производит товары и только товары, и первобытный пещерный дикарь был способен производить товары, ибо он в этой своей способности, – будучи «одинаково общ» всем людям во всех формах общественной жизни, – мог проявить себя – в форме общих для всех свойств товаропроизводителя.

Так получается по Марксу.

В действительности же, **труд, производящий товары**, как, **якобы**, не зависящий от какой бы то ни было формы общественной жизни и, – следовательно, понимаемый как, **якобы**, самостоятельно функционирующий, – есть гносеологическая ахинея, ибо реально (в истории общества) этот *утилитарный* процесс не имеет самостоятельных «питательных», «базисных» ресурсов – самостоятельного фундаментального движения, значения и саморазвития, чтобы его можно было признать в качестве основы, т.е. субстанции мировоззрения, познания и общественно-исторической практики. Всему началом является труд, производящий общество и адекватного человека, т.е. труд, самопроизводящий труд, иначе говоря – субстанция социума.

Для *понимания* содержания необходимых реформ – это вопрос первостепенной важности.

Нельзя продвинуться вперёд в деле реформирования нашего (и – вообще – современного) общества, если не иметь *ясного понимания* ПРИЧИН, в силу которых не состоялся ленинский «коммунизм» и развалился сталинско-брежневский «социализм».

Произошло это потому, что Ленин был *весьма посредственным* мыслителем в области социальной философии и социальной истории, *продолженной (теоретически!) в будущее*. Ему почему-то казалось, что в «Капитале» К. Маркса был дан теоретический эскиз основных характеристик будущего (послекапиталистического) общества, тогда как на самом деле там этого не было, а была дана лишь «критика политической экономии»⁴. И эта критика дана *лишь с отрицательной стороны*, тогда как ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ разработка нового (послекапиталистического) общества Марксом не была осуществлена, ибо автор «Капитала» не имел для этого исторически-практических предпосылок и не считал для себя это дело возможным в силу причин материально-практических.

Проблема недостаточности ленинского социально-философского мышления, продолженного в будущее, усугубляется ещё и тем, что недоумки и политические авантюристы, санкционировавшие создание мавзолея Ленина и формировавшие психологию культа Ленина в массах плохо образованных людей, – тем самым радикально затруднили критическое отношение к Ленину как к социальному мыслителю.

К числу политических авантюристов надо отнести, прежде всего, Сталина, хотя и самому Ленину политический авантюризм был присущ в немалой степени – по причине слабости того порядка в России, который был свергнут октябрьским переворотом 1917 г. Будь этот общественный порядок более сильным, Ленину пришлось бы более фундаментально обдумывать и обосновывать свои практические «революционные» действия. Но этого, как оказалось, не потребовалось, и авантюрная практика ленинско-сталинских социальных построений, в конце концов (в 1991 г.), привела к краху и к развалу псевдосоциализма, опиравшегося на капиталистическую типологию труда и на буржуазную по природе своей технологию.

⁴ О чём самым определённым образом говорит подзаголовок «Капитала», т. I; это чаще всего не помнят и ещё чаще не разумеют, что означает сия формула: «Критика политической экономии».

Главный недостаток ленинско-сталинско-брежневского социализма заключается в том, что собственность (демагогически и декларативно!) объявили «социалистической», а труд и технология (и вытекающая из неё система разделения труда) – остались буржуазными – буржуазно ограничивающими личность и творческий потенциал социума!

Есть фундаментальное принципиальное марксистское положение: «Разделение труда и частная собственность это тождественные выражения: в одном случае – по отношению к деятельности – говорится то же самое, что в другом – по отношению к продуктам деятельности»⁵. Если бы В.И. Ульянов (Ленин) в своём сознании имел бы это положение Маркса, он никогда бы не сбил на позицию установления «общественной собственности» **без преодоления феномена разделения труда, тождественного частной собственности**. Но у В.И. Ульянова (Ленина) не было в его сознании, – как и у всех последующих его сторонников, – этого фундаментального мировоззренческого принципа: система отношений собственности у всех у них НЕ была диалектически связана с системой отношений деятельности, то есть – с системой типологии труда. У них как-то так метафизически получалось, что при наличии РАЗДЕЛЕНИЯ труда допускалась возможность ОБЪЕДИНЁННОЙ, – т.е. – общественной – собственности, и никто не видел в этом ахинеи, абракадабры, чепухи... Ибо отсутствовало строгое марксистское мышление, устанавливающее зависимость собственности от типа труда!

Этого не понимают и нынешние «марксисты», склонные трактовать отношения собственности НЕ как МАТЕРИАЛЬНЫЕ и ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ, а как производные от функции политической надстройки, то есть – не как базисные, а как *надстроечные*. А это ведёт к политическому авантюризму.

Чтобы критика Маркса, с его пониманием и определением труда, была более полной, необходимо противопоставить ему более точное (в философском отношении) определение.

Прежде всего, надо более точно и более конкретно сформулировать *существенные признаки* труда. И на первое место в системе этих существенных признаков надо поставить ТО, что труд есть **социальная форма движения материи**, которая – в силу её социальности – обладает *саморазвитием*, т.е. – способностью восходить от низших форм к качественно высшим формам, и как социальная форма, обладающая саморазвитием, – *производит*: а) общество и – в нём – исторически адекватного человека; б) богатство; в) культуру.

Культуру целесообразно определить как совокупность достижений человечества в производственном умственном, нравственном, эстетическом (художественном) отношении, которая (совокупность) позволяет формировать самосознание и саморазвитие обществ – в соответствии с выработанным культурой идеалом. **Это – первый существенный признак труда как социальной формы движения материи.**

Таким образом, уже в этом первом признаке определения понятия труда – резко обозначена противоположность точке зрения Маркса, у которого ТРУД сведён к силе (причём – **к силе природы!**)⁶, которая ОПОСРЕДСТВУЕТ обмен веществ между собой и природой. Вместо толкования об **обмене веществ**, как у Маркса, здесь подчеркнуты ещё два момента: 1) производство общества и человека, 2) производство культуры и её составляющих.

2. Установив и обосновав, что ТРУД **есть социальная форма движения материи**, обладающая **саморазвитием** и что труд – имеет тройственный характер (а не двойственный, как у

⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 31.

⁶ См. там же, т. 23, с. 188, 195.

К.Маркса⁷), надо сформулировать второй существенный признак труда; его надо обозначить **как деятельность посредством рук и орудий**, причём – руки надо рассматривать **не как природный орган**, а как орудие, созданное (пересозданное) трудом и его культурой.

Таким образом, в этом признаке («деятельность посредством рук и орудий») можно фиксировать своеобразную *интеграцию орудий*, вследствие чего воздействие этого фактора на интеллектуальный процесс отражения практики в сознании людей приобретает своеобразный интегративный характер. У Маркса это не осознано и не вычленено, имеются лишь «намёки» этого сложного процесса (см. т. 23, с.189), и поэтому труд у него трактуется как «естественное условие человеческой жизни» (см. т. 23, с.195), что совершенно неверно, так как труд – это, прежде всего, *общественное* условие человеческой жизни.

Как только человек взял в руки орудия, так тотчас же образовался *интегративный фактор* («орудие орудия»), и это должно быть осмыслено и оценено во всей диалектической полноте – в том числе и в смысле диалектического влияния на интеллектуальную и духовную сферу.

3. Третий существенный признак труда надо определить как **характер технологического отношения данной стадии общества – к действительности**. Не может быть ни малейшего сомнения, что **характер технологии** есть существеннейший признак труда. Технология есть *способ извлечения и использования* вещества, энергии и информации для реализации всех трёх моментов социальной формы движения материи: а) для производства общества и человека; б) для производства богатства; в) для производства культуры и её составляющих (производства – в его утилитарном содержании, умственного развития, нравственного развития, эстетического развития и – социального идеала).

4. Четвёртый существенный признак труда надо определить как указание на **характер ценностных ориентаций** данного социума и индивида.

Ясно, что первобытный дикарь, находивший улитку и утолявший ею своё чувство голода, считал её ценностью довольно высокого порядка, в то время как для капиталистического предпринимателя ценностью является денежная прибыль, а для поэта А.С.Пушкина, – как он писал в своём стихотворении «Памятник», – такой высшей ценностью являются созданное им поэтическое наследие, но отнюдь не деньги.

Ценностные ориентации поэтов имеют эстетический и *индивидуальный* характер. Так, например, эстетические ценностные ориентации поэта Алекс. Вас. Кольцова (1808-1842) сосредоточены на изображении крестьянского быта и природы, окружающей крестьянина. Ценностные ориентации Льва Толстого имеют не только эстетический, но прежде всего нравственный характер: они призваны дать ответ на назревшие социальные проблемы («Так что же нам делать?», «Воскресение», «Хозяин и работник»).

Вместе с тем надо подчеркнуть, что ценностные ориентации в процессе труда имеют *интегральный* характер. Среди этих ориентаций одни могут преобладать, другие заявляют о себе не так громко.

Но всегда среди них есть такие, которые имеют *насуточный* характер, так как связаны с потребностями в пище, жилище, одежде, в здоровье... Ценностные ориентации человека сложны и неоднозначны.

5. Пятый существенный признак труда выражается в **характере коммуникаций** между

⁷ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 50 и мн. др. стр.

людьми в процессе труда и в специфике средств и форм коммуникаций, и без этого труд не может реализовать себя, ибо он есть процесс **коллективный** и требует согласования усилий многих людей, которым просто необходимо сообщить друг другу о целях и способах сотрудничества.

Первобытные охотники подавали друг другу сигналы голосом (голосовая коммуникация). Сейчас появилось множество новых (вторичных) коммуникационных форм: письменность, печатные инструкции и технологические – и иные – рецепты, радио, телевидение, компьютерные средства и т.д., состоящие в комбинации различных форм.

Коммуникации непременно предполагают осознанность содержания передаваемой информации.

6. Шестой существенный признак состоит в том, что труд включает в себя **момент эстетического оформления результатов труда**. Опыт подсказал человеку, что создаваемое должно формироваться не только по законам научной рациональности, но и «по законам красоты». Как говорил А.Н. Туполев, «красивый самолёт хорошо летает». Скрипки Страдивари – не только музыкальные инструменты, но и произведения искусства.

7. **Характер коллективного образа жизни и деятельности** – это седьмой существенный признак труда как социальной формы движения материи.

Этот характер различен в различные исторические эпохи и представляет собой (именно как *характер* коллективизма!) неперенное условие и предпосылку того, чтобы определённый вид созидания состоялся (начался и завершился).

И уж никак нельзя согласиться с Марксом, что человек (или труд) «веществу природы ... противостоит как сила природы» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188. Подчёркнуто мною. – Н.Н.). Веществу природы человек (и труд) противостоят как сила общества! Именно *социальное* их состояние опосредствует их отношение к природе и их возвышение над ней. И когда Маркс пишет, что «для того, чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы» (см. там же. Подчёркнуто мною. – Н.Н.). Это опять неверно: как уже было сказано при формулировке второго существенного признака труда, – руки (а, следовательно, и пальцы, и голова, и ноги) не являются более ЕСТЕСТВЕННЫМИ силами и орудиями, а суть – **«орудия орудий» – интегрированные орудия**. И таковыми они становятся потому, что их действия всегда *осознаны* и, следовательно, *социальны*: социально-содержательны и социально-обусловлены. Это только у прачеловека его руки – «естественные силы». У разумного и социально-направленного человека они суть **органы иной, «социальной природы»**.

К.Маркс, настаивая, что по процессу труда не видно, кто его совершил (а это явно противоречит моей точке зрения о том, что ТРУД совершается посредством определённой типологии коллективизма!), приводит такой аргумент: «по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто её возделывал». (См. т. 23. с.195.)

Маркс здесь явно путает (смешивает) вкус пшеницы с *характеристикой субъекта труда* (с тем, кто совершал труд, кто возделывал пшеницу). Утверждая, что труд, якобы, не зависит от того, кто его совершал, Маркс не осознаёт, что **только при определённом состоянии коллективизма** труд способен создавать машинную технику (систему машин), а тем более, создавать и применять компьютеры, да и возделывать пшеницу не могли скотоводческие племена, равно как и первобытные охотники, – так как более сложные виды деятельности ПРЕДПОЛАГАЮТ соответствующую «ШКОЛУ», то есть – определённые типологии социальных условий,

определённые типы образования и воспитания самих людей. И без этих условий человек или группа людей не могут приобрести СПОСОБНОСТИ к более сложным видам созидания. И просто странно читать у Маркса отрицание того, чего никто не утверждает: что «по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто её возделывал» (см. там же, т. 23, с. 195). Это утверждение потребовалось Марксу потому, что он очень узко трактует труд (как «целесообразную деятельность для создания потребительных стоимостей». См. там же, с. 195). Поэтому получается, что вкус пшеницы выступает в качестве мерила характера труда! Что – нелепо! Но эта нелепость вытекает из того, что труд у Маркса трактуется как феномен, не зависящий от какой бы то ни было формы общественной жизни. (См. там же, с. 195.) Вместо этого надо было более широко и более фундаментально сформулировать **существенные признаки труда как формы социального движения материи**, апеллируя к характеру коллективизма, к характеру ценностных ориентаций, к характеру технологии и т.д., как было сделано выше...

И когда Маркс этого не делает, то он обнаруживает умственную ограниченность – ту самую «нищету философии», в которой он упрекал П.Ж. Прудона (1809-1865). Но этого никто не видит. Читают Маркса как под гипнозом его категорических суждений и соглашаются с его псевдоаргументами о том, что так как по вкусу пшеницы нельзя определить историческую определённость труда, то труд (будто бы!) не зависит от какой бы то ни было формы общественной жизни (от характера коллективизма, например).

Иными словами, труд надо мыслить и постигать *исторически*. А этого не делают!

Но поскольку Маркс в своём определении понятия труда (см. т. 23, с.195) отверг эту идею исторического подхода к труду, то В.И.Ульянов (Ленин) последовал за ним в своей трактовке социализма и присущего социализму труда! Ленинский подход к социализму и коммунизму был выражен в связи с подготовкой программы партии на VIII съезде РКП(б): «Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически» (см. Ленин В.И. ПСС, т. 38, с. 179).

Но что означает тезис «обоснован экономически»? Это значит обоснован так, как это выражено в «Капитале» Маркса, т. I, где труд представлен Марксом как процесс, имеющий двойственный характер (см. т. 23, с.50). Таким образом, у Ленина получается, что характеристики труда, присущего капитализму, переносятся на социализм.

Потому что-де: так у Маркса в «Капитале»... На деле же это означает, что капитализм и коммунизм (и социализм, следовательно, как фаза коммунизма) – это разные – в историческом смысле – формации, а труд – один и тот же по типу, т.к. обоснован *экономически!!!* Экономически – значит товарно-денежно, то есть – с сохранением отчуждения человека и отчуждения труда, производящего товары. И никакого другого – более высокого труда – **экономическая обоснованность не предполагает**.

Поэтому невозможен переход к исторически более высокому обществу, если труд остаётся типологически – старого типа, формационно-старого содержания и характера.

Тот факт, что В.И.Ульянов (Ленин) не смог понять *суперэкономический* статус труда, на котором должен основываться социализм, свидетельствует о недостаточности и посредственности его умственного потенциала. Эта недостаточность интеллекта в конце концов и явилась причиной, из-за которой социализм не выдержал соревнования с капитализмом. Когда после смерти Ленина в январе 1924 года при вскрытии его мозга обнаружилось, что одно полушарие мозга оказалось наполовину деградированным, то этому факту не было придано должного значения. А это следовало бы учесть. Во всяком случае – сегодня нет оснований считать В.И. Ульянова (Ленина) – гением, поскольку он **не понял действительных характеристик социализма** как общества,

которое должно было быть реализовано. Отсюда и берёт начало крах социализма. Поэтому сегодня поклонение Ленину, культ Ленина должны быть отброшены, а само российское общество должно быть подвергнуто обновлению в нескольких направлениях, связанных со становлением более высокой – в историческом смысле – типологии труда.

Обновление российского общества необходимо провести, прежде всего, в трёх аспектах:

- 1) в социально-психологическом;
- 2) в социально-педагогическом;
- 3) в социально-интеллектуальном.

Социально-психологическое обновление состоит в ⁸

⁸ На этом месте рукопись обрывается, но соответствующие положения содержатся в других разделах книги (прим. ред.).